

Секция «Социальная философия и философия истории»

Ситуация и логика постмодерна: возможность исторического рассмотрения.

Либерман Самсон Александрович

Студент (специалист)

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

E-mail: tupitsa@list.ru

Цель данной работы можно сформулировать предельно просто: историческое рассмотрение постмодерна, или рассмотрение постмодерна как явление конкретно-историческое. Однако из такой, казалось бы незамысловатой формулировки цели и, следовательно, проблемы, можно вывести как минимум две исходные наши посылки. Утверждая, что постмодерн может быть рассмотрен как конкретно-исторический феномен, мы тем самым утверждаем: а) некую самость и уникальность этого явления, наличия особой «логики» постмодерна; б) некоторую ограниченность этой логики постмодерна, а, значит, возможность некоего большего исторического контекста. Иначе говоря, мы попытаемся применить классический исторический подход к феномену постмодерна. Однако стоит сразу отметить, что мы вряд ли сумеем найти феномен, более яростно сопротивляющийся историческому рассмотрению, выстраиванию генеалогии, нежели постмодерн, однако тем и интересна наша задача.

При этом, однако, оставаясь верными принципам диалектического историзма, утверждая существование особой «логики постмодерна», мы не можем обойтись и без упоминания особой «ситуации постмодерна». Также необходимо оговориться, что мы сознательно выстраиваем наше исследование в форме некоей грубой и упрощенной схемы, будучи уверенными, однако, что подобное упрощение рассматриваемого нами феномена не может не быть продуктивным.

В качестве же примера особой "логики постмодерна" мы будем использовать ту форму мысли, которую описали Жиль Делез и Феликс Гваттари в своей работе «Капитализм и шизофрения», наиболее ясно и четко их позиция сформулирована во введении ко второму тому, которое называется «Ризома». Также подобным примером будет служить логика, называемая Владимиром Библером «Диалогика» и Анатолием Ахутиным «Археологика». Примером же «ситуации постмодерна» может служить общество, описанное в работах Жана Бодрийара и Зигмунта Баумана. Постмодерн, в обоих выделенных нами измерениях, и как особая логика, и как особая ситуация, имеет, следовательно, а) свою специфику и является уникальным событием б) встроенность и укорененность в исторический процесс и может быть рассмотрен как одно из звеньев единой логической цепи.

Собственно суть исторического подхода и заключается в диалектической связи этих двух отношений: отношения противостояния истории, противостояние прошлому, отношением отрицания; и отношением единства с историей, единства с прошлым, отношением тождества. Однако отношения постмодерна с историей особые: в качестве своей истории, своего прошлого, с которым он, соответственно, состоит в диалектической связи единства-противостояния, тождества-отрицания, он имеет саму парадигму Истории и саму историчность как форму организации общества. Историей или прошлым постмодерна и как особой логики, и как особой ситуации-реальности является логика истории и историческая реальность. Постмодерн является продуктом истории не только в привычном нам понимании, как следствие своего прошлого, но он является продуктом Истории как особого образа мысли и типа реальности.

Постмодерн как особая логика и особая реальность, может и должен быть рассмотрен как развитие и радикализация историзма, как особой логики и как особой реальности.

Собственно это и есть главный тезис и пафос нашего исследования. Мы попытаемся показать как логика истории, диалектическая логика, логика, строящаяся на отношении трансцендентное-имманентное превращается в логику «ризомы» или логику культуры или точнее культур. Точно также этот процесс можно рассматривать как превращение реальности Истории в реальность Современности; социального - в массовое; субъекта - в идентичность, или индивидуальность. Заявленная нами цель «историческое рассмотрение постмодерна» предполагает, соответственно, не только и не столько рассмотрение постмодерна как порождение истории в смысле включения его в исторический горизонт, сколько рассмотрение его как порождение и развитие самой парадигмы Истории вообще, что конечно гораздо более проблематично и, соответственно, интереснее.

Так что же из себя представляет историзм? Что мы имеем в виду когда говорим о постмодерн как радикализованном до предела историзме? Историзм, сам концепт истории, многие сегодня понимают как способ решения дилеммы классического дуализма сущности и явления, трансцендентного и имманентного. Причем достигается это за счет введения в структуру бытия отрицания. Наиболее ясно и строго эта логика сформулирована Гегелем в первых параграфах Науки логики. Гегель первым превращает трансцендентную субстанцию в субстанцию-субъект, в трансцендентное вынужденное сбываться через имманентное. Бытие теперь понимается как движение, как История, причем это движение осуществляется через отрицание: Сначала бытие отрицает себя в имманентное, затем имманентное совершает обратное отрицание. Тезис-антитезис-синтез. Это двойное отрицание и есть способ бытия, и есть История. Итак историзм как особая логика представляет из себя введение в структуру бытия его иного, не-бытия или отрицания, превращение его тем самым в становление.

Однако гегелевский историзм имеет еще мало общего с логикой постмодерна, логикой ризомы или логикой культур, но кое-что, все-таки, имеет. Историзм, таким каким мы его только что описали, представляет собой онтологизацию негативности. При этом, гегелевский его вариант - это только самые первые ростки негативности. После Гегеля историзм, как логика трансцендентного-имманентного переживает как минимум две радикализации. Сначала от изначальной Гегелевской триады тезис-антитезис-синтез, отрубается его изначальный и основополагающий фрагмент - тезис. Иначе говоря, История начинает пониматься не как свершение и проявление сущности, сбывание трансцендентного, а как трансценденция, то есть утверждение имманентного, негативного, в трансцендентном. Главной темой неклассической философии становится отрицание метафизики, и возможность, соответственно философии и всеобщего на неметафизических началах. Главной характеристикой неклассики можно назвать тема "усилия к подлинному бытию", прорыва, трансценденции. Ни Платона, ни Декарта, ни Гегеля эта тема не волновала, ибо все они предполагали априорной возможность индивидуального разума достигнуть области трансцендентного. Позиция классического философа - трансцендентная позиция : "Не мне но логосу внемли". Однако Гегель, вынудив трансцендентное отрицать себя в имманентном, вынудив сущности являться подрывает этот метафизическую трибуну, с которой сам еще продолжает вещать. История Духа превращается в историю человека, но этот человек еще больше устремляется к трансцендентному, обнаруживая все больше тоску по чистоте трансцендентного.

Следующая радикализация историзма связана с отпадением заключительной стадии - синтеза. Историзм, выбив у себя из под ног метафизические опоры, все еще продолжал надеяться на синтез. Однако вскоре он обнаружил необоснованность своих претензий, разум оказывается не только не укоренен в трансцендентном, но он еще и не имеет право претендовать на это всеобщее. И левые неомарксисты и правые философы языка почти

в одно и то же время о несостоятельности претензий разума на всеобщее и о неизбежной тотализирующей характеристике разума. "О чем невозможно говорить, о том следует молчать". Именно таков проект "Негативной диалектики" Адорно: ни в коем случае не допускать объективации идеи в виде системы или понятия, мысль - живой, непрерывающийся процесс. От гегелевской триады осталась только голая, радикализованная до предела негативность. Тезис обвинен в метафизичности и предрассудочности, синтез - в претензии на тотальность и жесткость, следовательно из историзма полностью элиминируется трансцендентное. Однако голая негативность, имманентность и процессуальность не может предполагать концепта истории по определению, поскольку история - суть отношение между трансцендентным и имманентным. История обратилась своей противоположностью - перманентной Современностью. Онтологизация негативности обернулось её абсолютизацией.

В тотализированном имманентном невозможны любые бинарные отношения, любые противопоставления: центр - периферия, существенное - несущественное, сущность - явление, сознание - бытие, и т.д. Вертикальные отношения, отношения строящиеся по типу имманентное-трансцендентное вне закона. Однако возможна ли вообще в такой ситуации какая-либо логика? Возможна, только это будет логика горизонтальная. Примерами таковой как раз и являются логика ризомы, и диалогика Библера или логика культур. Однако можно ли говорить о смене логики истории на логику культуры? Здесь Делез и Библер расходятся. Дело в том что эта ситуация, логика постмодерна может и должна быть рассмотрена как явление историческое, как феномен имеющий свои причины и условия. Сам факт и возможность нашего исследования говорят о том, что постмодерн включаем в бинарную логику отрицания-отрицания, логика постмодерна не снимает логику истории! Однако тем самым подрывается скорее сам историзм нежели логика ризомы или диалогика. Дело в том что возможность одновременного существования двух противоположных парадигм, мало того возможность снятия новой парадигмы средствами более старой противоречит логике истории. Победой историзма было бы как раз его снятие через постмодерн, следующий этап развития. Однако постмодерн, по крайней мере в его библеровском варианте, отказывается от этой претензии. Диалогика, являясь радикализацией логики истории, при этом не снимает ее, не включает ее в себя как частный свой вариант. Мало того она готова быть рассмотренной с точки зрения истории и логики развития. Вот он принцип "Те же и Софья" в действии. Логика снятия и отрицания дополняется новым вариантом, но не снимается, тем самым утверждается логика отличная от логики снятия и отрицания, от логики истории - логика культуры.

Источники и литература

- 1) Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель – Спб.: Наука, 2005 - 799 с.
- 2) Библер В.С. Культура. Диалог культур / http://www.bibler.ru/bim_ng_kultura_d.html
- 3) Гаспарян Д.Э. Практики онтологизации негативного в современной философии
- 4) Жиль Делез, Феликс Гваттари Капитализм И Шизофрения Книга 2. Тысяча Плато